

ЗЕМЛЯ — НАШ ОБЩИЙ ДОМ

ЖЕНЩИНА написала в «Литературную газету» озабоченное письмо: почему в школе не учат узнавать птиц своей местности? Даже названий их, кроме воробья, почти никто не знает.

Дело, понятно, не в названиях птиц — насекомых, растения, травы, злаки, деревья, которые нас окружают, тоже стали для нас знакомыми незнакомцами, — дело в другом, глубже. За строками письма сквозит чувство неуютного одиночества: все дальше, дальше отходит современный человек от живого мира, и вот уже зябко становится ему на дороге прогресса, все чаще оглядывается он назад — что-то там за спиной осталось такое...

Одного происхождения тревога в письме женщины, обеспокоенной, что ни ее дети, ни она сама не знают названий птиц, и в статье Петра Палиевского «На границе искусства и науки»: «Жизнь не раз доказывала и, по-видимому, будет доказывать, что она стоит выше самого научного принципа, который опирается на законы, соотношения и связи. Ее принцип, ее идея есть победа и преодоление законов в совершенно новом качественном произрастании в организме, индивидуальности, душевной жизни (жизни именно, а не логических операциях)».

Ссылаясь на некоторые статьи К. Л. Зелинского, «где не без злорадства доказывалось, что такие понятия, как «совесть», например, могут быть запрограммированы», на стихи Б. Слуцкого «Мы — сызмала новаторы, оглядываемся — редко. Сами — основатели, сами — предки», П. Палиевский заканчивает свою статью решительно и резко: «Пока у нас в литературе будет распространено это бездумно-восторженное отношение к прогрессу — без прошлого, настоящего, будущего, без попытки доказать «недоказуемые» ценности, а просто по формуле «вперед», ради развития абстрактно постигаемых законов, — до тех пор ни о каком гуманизме не может быть и речи» (Палиевский П. В. Литература и теория. М., «Советская Россия», 1979, с. 91, 94).

А теперь о «Месяцеслове» И. Полуяно-

ва*. Женщина, писавшая в «Литературную газету» о птицах, живи она в вологодских краях, могла бы быть довольна: и о птицах, и о прочей живности написано в книге так, что, прочитав, не забудешь, запомнишь навсегда живые, прямо с натуры портреты-зарисовки И. Полуянова.

«Снегирь-снегиришка, нарядная рубашка, без тебя и зима не красна!

Всяк снегиря знает, стар и млад ему рад. Стужа снегирьку не в стужу: всегда серый кафтан нараспашку, рубаха кумачовая распояской. Приосанится, распушит перышки — до чего ж солиден, представитель! Летает плавно, по снегу выступает не скоро, не торопко, а в самый раз... От человека он перенимает лишь музыкальные мелодии. Разве не прелесть, если дома снегирек свистит, выводит мотив «Калинки»? Прелесть, да и только!

Но в клетке снегирь блекнет: линияют румяна, одевается снегирь в темный, иногда совсем черный, как бы траурный наряд.

Нет, нет, снегирь на вольной воле и хорош и пригож! Алая грудь. Ослепительно белое надхвостье. Спинка серо-синяя. Темя, крылья и хвост черные, с синим шелковистым отливом... Да откуда же взялись столь яркие, столь горячие краски в разгар зимы студеной? От зимы и взялись. От белых полей, от изб, снеющих издали с бугра, от зорь алых. Снегирь — он весь для зимы — кафтан нараспашку, красная рубаха навывуски!»

Таковы же психологические портреты зяблика, скворца, гаек, дрозда, жаворонка, разгневанной белки, ухаживающего зайца, гордого лося, как и березы, ели, фиалок, земляники, незабудок... Создается впечатление, что нет неинтересного, нейтрального в природе — всему свое место, и без какой-нибудь травки кислицы природа вроде и не полна.

Очень повезло северному, вологодскому школьнику, который, по сравнению со

* Иван Полуянов. Месяцеслов. Северо-Западное книжное издательство, Архангельск, 1979.

своими сверстниками из других областей, оказался в привилегированном положении: получить в распоряжение, можно сказать, свою энциклопедию своей природы! Ведь «Месяцеслов» — книга, как говорится, на все вкусы: тут тебе и характеристики месяцев, и рассказы о природе в живом ее течении, и разделы «Самое-самое» о погоде в вологодских местах, и «Кто и где? Куда и откуда?» — и о том, кто и как из животных в этом месяце себя ведет, и «Загадки деда-Всеведа».

Возникает при этом мысль: а что если и в других областях будут созданы подобные книги о природе? Хорошо бы, конечно, хотя это и не решение проблемы, ибо «Месяцеслов» не прикладная книга, не дополнение к учебнику. Знания, как известно, могут носить обоюдный характер: могут пойти на пользу природе, а могут и действовать тому, чтобы способнее ее избить. Знаменитая «Мещорская сторона» К. Паустовского, являвшаяся художественным открытием поэтических и всем доступных мест, делу бережения их, увы, не помогла. «Трава» В. Солоухина, несмотря на известную осторожность автора, лекарственных растений, пожалуй, и поубавила. Наверняка и еще можно привести немало примеров, когда «местные энциклопедии» облегчили цивилизованным хищникам расчетливо обчищать заповедные уголки природы.

Так, может, и хорошо, что позабыли люди, как зовут их меньших братьев, может, сама природа ведомыми ей путями позаботилась о том, и напрасно беспокоится женщина, обращаясь в «Литературную газету»?

Нет, конечно. Природу на замок не запершь, не будет от того толку ни для нее, ни для человека. «Как их примирить — грохот железный и выстуженную морозом тишь? На чем они поладят? Поладят они, придется! Что же ждет тогда тех, кто оставил возле лыжни свои то беспечные, то пугливые следы?» Вот с какой стороны подходит И. Полуянов. «Земля одна, для всех общий дом. Пора бы нам научиться ладить с соседями. Нас не было, а они были — шмель на розовой кашке, медведь у колодины, серая цапля в мелководном заливе. Они старше нас, земные старожилы, и люди в сравнении с каким-нибудь пауком, что ловит мух паутинкой, просто-напросто новоселы. А старших ведь уважают, а? В тесноте им место уступают и все такое...

Верю могуществу людей. Мы достигнем звезд и неведомых планет, вступим в контакт с братьями по разуму. Так неужто землянам удастся легче понять чужих, если не удосуживаемся понять своих, кто живет бок о бок с нами, напрасно добиваясь нашего внимания и участия?

Было время, когда человека надо было защищать от природы, от диких ее набегов, сумрачной ее силы — традиция недоверия к ней сохранилась до наших дней. «Сердце Руси деревянной» — говаривали

встарь о крае нашем. Только не всегда лес благодетельствовал крестьянам. Тесня хозяйственные угодья, насылая хищное зверье на скот, он выступал и лютым врагом. Поньше в редкость встретишь у нас деревню, где бы у изб имелся палисад с березками да рябиной. Нет о лесе песен, нет преданий старины глубокой — слишком долго его лихом поминали наши предки...

Однако параллельно с враждой шло и сближение. Окинем взором литературу, особенно поэзию прошлого века, — вся она проходит под знаком одухотворения природы, и было в этом великое проявление гуманизма благородной человеческой мысли. Приблизить человека к природе...

На одухотворении возникла и художественно-природоведческая литература нашего века — вплоть до М. Пришвина, у которого соотношение между человеком и природой коренным образом меняется: видение всего мира в образах природы означает прежде всего включение человека в единый с природой цикл развития. Но и Пришвин еще не ощущал всей трагедичности ситуации, которая сложится к последним десятилетиям нашего века.

Почему к восьмидесятым годам словно бы поблекли, выцветли казавшиеся столь рельефно-отчетливыми еще пятнадцать-двадцать лет назад картины природы у Виталия Бианки? Он исходил из особого одухотворения: животное — своего рода детское существо; он приближал его к читателю с помощью детского видения, непосредственного, внимательного, заинтересованного. Посмотри, как это интересно, — словно бы говорят его книги. — Ты, конечно, венец природы, но тем не менее, будь милостив, снизойди — узнаешь много полезного, пригодится...

Проходит время, и «принцип» начинает устаревать. Сегодня то, что есть у В. Бианки, уже не способно удовлетворить разрастающуюся жажду вживания (не познания лишь) в мир природы, чтобы найти себя в ней и ее в себе. Многие из того, что вчера еще считалось чуть ли не классическим образом, сегодня не удовлетворяет из-за принципа «самости» царя природы, который якобы заранее прав во всем, что бы он ни творил.

У Маяковского есть шутивное стихотворение о портсигаре, оброненном в траву; мошки, букашки, муравьи — кругом кишит своя жизнь, а портсигар самодовольно сияет: «Эх ты, природа!» Не уподоблялись ли авторы многих рядовых книг, которые и составляли повседневную пищу духовную массового читателя, этому портсигару: раз человек — венец творенья, значит, посмотрим, что почем на торгу и какую непосредственную пользу можно извлечь из принадлежавшего ему, на остальное же, практическому освоению не поддающееся, навесить ярлычки: ценности не представляет. Как будто можно знать наперед все до дышечка. Как будто можно руководствоваться правилом: «Что в рот полезло, то и полезно!»

Мы читаем у И. Полуянова о красногрудом снегире — разве не скрыта в нем

частица нашей национальной поэзии? Разве можно представить нашу весну без скворца — воистину народный птицы? Ну, это видные, заметные птицы, а вот «гайки-винтики», в них-то что? Мы привыкли замечать то, чего много. «Дай нам да подай! А что им даем, когда тропы топчем с ружьями, с кузовами и корзинками?» Неразлучны с тайгой серые синички, круглый год ей служат верой-правдой, обирают с коры всякую нечисть, мешающую жить в лесу в здравии и покое, от темна до темна в хвое крутят-вертят. «Лесу любимому быть, раз есть в нем винтики!»

Все ли тайны надо разгадывать? Вот одна из них — как птицы определяются во времени. Пришло время — улетают, рано — ждут. Откуда они знают свой час?

«Что же побуждает их бросать пальмовые рощи, благоуханную роскошь джунглей и пускаться в тяжелую, сопряженную с риском дорогу еще тогда, когда на их родине снег, стужа, реки скованы льдом? Прилететь необходимо в срок. Ни раньше, ни позже. Жаворонку — к ранним проталинам; ласточке — к комарам, к мухам; иволге — к зеленой листве. Всему свое время и свой час. Есть время одолевать дорогу и время заводить гнездо, как людям есть свой час сеять и свой срок жать...»

Время! Мне бы его постичь, как постигли птицы, чтобы тоже знать свой час, свой срок! Рано — и посев мой побьет мороз; поздно — и не даст мне поле, не успеет дать урожай...

Да, да, есть у каждого из нас свое поле, каждому из нас нужно получить свой урожай.

...Надо ждать. Ждать и ждать, что поведет стойким теплом, налетят грачи и расклюют зиму, в свой срок повиснут над полями жаворонки.

Эх, если б мне уметь определяться во времени! Все стерпел и снес бы, чтобы в свой час над своим полем с песней взмыть, как жаворонок!»

Может быть, надо, чтобы в чем-то и птица была недостижима для человека, чтобы нельзя было свести ее к примитивному «принципу» либо «инстинкту»? Может быть, тогда лишь коренным образом изменится и перестанет быть сниходятельным отношение к «птичкам»? Не забудем: «Месяцеслов» адресован детям. Доверчивое, наивное детство, как тебя нужно беречь — на реке, в поле и в лесу! Не легко быть добрым, но осмотрительным надо быть всегда...»

Осмотрительным... Не часто теперь встречается это слово в нашем обиходе, но от этого оно не перестало быть менее необходимым. Осмотрительным — и тогда наконец-то поймет человек, что каждый уголок природы имеет свое, неповторимое. Свое лицо и дыхание, свое выражение. «Дремучие дебри выражают себя тенью сумеречной, хвойной; бор — углубленной в себя задумчивостью... А роща молодых берез, она чем?

Белые стволы.

Кружево инея.

Тени ручьиные».

Осмотрительным делала человека природа. Делает она человека таким и сейчас. Зоолог Виктор Яковлевич двадцать пять лет назад впервые приехал, чтобы поселиться у озера, где с крыши избы летом кукует кукушка, а в озерных затонах острова цветущих лилий напоминают издали скопление лебедей. «Над чем он колдует? Над тем, чтобы зверю и птице было место на земле. Четверть века одно и то же, дни и ночи, годы подряд! Пусть будет лес! Пусть водятся на реках бобры, бродят по болотам лоси, спуют на лагах лисицы!» Ничего себе не остается у зоолога. Штаны в заплатках и потертое, с треснутой ложей ружьишко. В глаза ему говорят: «Не умешь ты жить! Сколько получаешь-то? Э, у сторожа сельпо жирней навар...»

Виктор Яковлевич — в высшей степени осмотрительный человек. Осваиваясь в лесной глуши, он надеялся: за ним придут другие. А ну как не станет ни леса, ни лис, ни лосей, ни бобров! Останется ли после этого человек самим собой или...? Вот как далеко смотрит Виктор Яковлевич...

Автор бережно собрал, изучил, привел и по-своему прокомментировал месяцесловы — устные календари, существовавшие на Руси с незапамятных времен. Их создавали крестьяне, пастухи, охотники, рыбаки, они соединяли в себе веками накопленные знания о родной природе, хозяйственные советы, бытовые обряды, обычаи. «Гонимые жестоко, месяцесловы ушли в стовую народную молву, и она берегла их вещи страницы, как завет поколений прошлых поколений грядущим — любить землю, беречь ее красоту».

Мало было творцам календарей дать емкий и краткий обзор каждого месяца — чуть не каждый день надеялся приметам, украшала узорочьем складских погудок-побасенок, усмешливых или горьких, но всегда поэтичных. Вот одна из них: «14 апреля — «Марья — зажги снега, заиграй овражки». Всего два слова — «зажги снега», а за ними видится простор пашен, косые изгороди, покатые сугробы — и все это объята спляшущим синим полымем, блещит и сверкает. Солнечно в полях — в самом деле, будто горят снега... Горят так, что смотреть глазам больно!»

Но хватит: так можно процитировать и весь «Месяцеслов». Слова И. Полуянова о народных календарях — «Что ни строка месяцеслова, то вдохновенная поэтичная картина родной природы, всегда точная, поразительная по своему реализму» — вполне можно отнести и к его книге.

Уроки леса. Их дают земляника и лесные фиалки, забывудки и анютины глазки, травка-самоловка и листопад, и береза с дуплом, и грачиные игры, и песня дрозда. И каждое — свой, неповторимый. На многие из них указал И. Полуянов. «Мне о лесе говорить, то до веку не кончится!»

«Месяцеслов» И. Полуянова продолжает лучшие традиции М. Пришвина.